

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 36(52)
2015

СОДЕРЖАНИЕ

«ОСТРИЕ КОПЬЯ» НАТО И ЕГО МИШЕНИ

Юрий Надточей

**ВЫЗОВЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ
НА ВОЛНЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА**

Сергей Кулик

**«МИТТЕЛЬШПИЛЬ» А. МЕРКЕЛЬ:
ОТ РОЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТРАГЕНТА
К КОНТИНЕНТАЛЬНОМУ ЛИДЕРСТВУ**

Татьяна Арзаманова

ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ ЕС ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РФ

Виктория Репникова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

«ОСТРИЕ КОПЬЯ» НАТО И ЕГО МИШЕНИ

Юрий Надточей,

доцент Московского гуманитарного университета

Инициатива НАТО о создании *Объединенной оперативной группы повышенной готовности (ООГПГ)* – Very High Readiness Joint Task Force (VTJF), старт которой был дан на саммите Альянса в Великобритании в сентябре 2014 г., не могла не привлечь внимание экспертов в области международной безопасности.

Согласно обнародованному в Уэльсе «Плану готовности к действиям» («Readiness Action Plan»), лидеры Альянса обязались создать новый инструмент военной силы, который увеличит возможности реагирования НАТО на вызовы и угрозы, исходящие преимущественно из Европы. Более конкретно, речь идет о создании сухопутных сил в составе до пяти маневренных батальонов, способных при поддержке авиации, флота и сил специального назначения развернуться в районе конфликта с участием стран НАТО в течение примерно двух-трех суток¹.

Решение о создании подобного военного формирования, получившего грозное название – «острие копья», на первый взгляд, представляется по-настоящему значимым уже в силу его неординарности. В самом деле, подобных инициатив Альянс не выдвигал с 2002 г., с момента запуска на саммите в Праге планов по созданию «Сил реагирования НАТО» (СРН).

В то же время нельзя не отметить, что само словосочетание «острие копья» («spearhead force»), используемое для обозначения боевой группировки новых сил НАТО, ранее уже применялось. Первое упоминание о нем приходится еще на начало XXI в., когда Альянс нуждался в ускоренной трансформации на фоне конфликтов на Балканах, а затем и в Афганистане².

Череда конфликтов и кризисов 2013–2014 гг., сплетаясь в один большой узел проблем безопасности для НАТО и его членов, ускорили решимость блока к принятию не менее серьезных, чем в начале 2000-х годов, мер по повышению собственных возможностей по проецированию силы. Это касается как наращивания общего потенциала, так и совершенствования путей его использования (мобильности и боеготовности многонациональных сил стран-участниц).

Однако характер нынешних кризисов, вызовов и угроз, с которыми столкнулся Альянс, все же заставляет усомниться в преимуществах курса на дальнейшую трансформацию НАТО «в стиле 2000-х» годов. Современные вызовы в сфере международной безопасности имеют мало общего с кризисами рубежа веков и требуют иных ответов, которые руководство НАТО, привык-

шее к жизни в условиях многолетней афганской миссии, вряд ли способно предложить в разумные сроки.

Преодоление постафганского синдрома требует времени для выработки новой стратегии развития, хотя на сегодняшний день ее общие контуры уже очерчены. По мере свертывания миссии МССБ в Афганистане подходит к завершению и длительный период «глобализации» Альянса, суть которого состояла в расширении его зоны ответственности далеко за пределы Евро-Атлантики. Теперь же все более актуальными становятся сдерживающие функции, переводящие НАТО из режима «вовлечения» в «режим «готовности»³. На повестку дня вновь выдвигаются задачи по обеспечению коллективной обороны в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора от 1949 г.

Фактическим приоритетом для Альянса отныне становится не столько развитие экспедиционных сил, способных на переброску в отдаленные точки Земного шара, сколько выработка новых средств сдерживания и устрашения потенциального противника вблизи собственных рубежей.

Этому приоритету способствует беспрецедентная по напряженности ситуация на восточных и южных границах блока, существенно приблизившегося территориями своих «новых» (страны Балтии, Польша), и «старых» членов (Турция) к очагам конфликтов на Ближнем Востоке (Ирак, Сирия) и, с недавнего времени, постсоветского пространства (Украина).

Меняется и назначение Сил реагирования НАТО, которые изначально создавались с прицелом на возможное их использование в отдаленных регионах мира. Их применение было обусловлено соблюдением важнейшего требования – качественного улучшения транспортно-логистических, разведывательных и иных возможностей членов НАТО, а необходимым условием для совместных боевых миссий союзников была объявлена не многочисленность их войск и сил, а оперативная совместимость на театре военных действий.

По сути, наличие у союзников современных и дорогостоящих сил и средств бесконтактной войны в воздухе было объявлено необходимым требованием НАТО еще в начале XXI в., а выделяемые для их создания средства рассматривались как необходимый вклад в общую корзину коллективной обороны НАТО.

Однако подавляющая часть европейских членов Альянса оказалась лишенной необходимых для этого материально-технических, финансовых и организационных возможностей, особенно в период кризиса в Европейском союзе, начавшегося в 2009 г. Это отчетливо

¹ Организация Североатлантического договора. Заявление министров обороны стран НАТО о Планах действий по обеспечению готовности, 21.02.2015 // http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_117222.htm

² Reichard M. The EU-NATO Relationship: A Legal and Political Perspective. – Hampshire, 2006. – P. 232.

³ North Atlantic Treaty Organization. The Connected Forces Initiative, 18.02.2015 // http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_98527.htm

продемонстрировала воздушная кампания НАТО в Ливии, подведшая своеобразный итог под десятилетием трансформации Альянса в сторону развития военно-экспедиционного потенциала.

Не лучшим образом сложилась ситуация вокруг наземных сил НАТО, способных вести традиционную контактную войну с противником на его территории. Как показал опыт Афганистана, применение сухопутных подразделений государств – членов НАТО в рамках «Сил реагирования» стало невозможным в силу не только политических (отсутствие консенсуса между союзниками), но и технико-организационных причин. Единственное, на что могли рассчитывать создатели СРН – это небоевые операции спасательного характера (землетрясение в Пакистане) или ограниченные меры по поддержанию порядка в рамках крупных мероприятий (олимпиада в Лондоне).

Таким образом, СРН НАТО повторили судьбу схожих с ней «ударных групп» («battle groups») Евросоюза – 18 воинских формирований численностью 1500 человек личного состава, которые с момента своего появления в 2008 г. ни разу не были апробированы в реальных боевых условиях.

На этом фоне «разворот» НАТО в сторону более традиционных задач по обеспечению территориальной обороны государств-членов, на первый взгляд, открывает для Альянса новые возможности, придает ему новый смысл существования в постафганских условиях, вселяет оптимизм в лидеров некоторых антироссийски настроенных восточноевропейских стран – участниц блока и повышает их «значимость» в общей политике НАТО.

Последние, в отличие от своих западноевропейских и североамериканских союзников, успевших демонтировать за последние четверть века большую часть сдерживающей инфраструктуры времен холодной войны, более ориентированы на защиту национальных территорий. Геополитическое положение стран Центральной и Восточной Европы, обусловленное близостью к России и наличием остатков советского «военного наследия» в виде сохранившихся военных и вспомогательных объектов, предопределяет их традиционную заинтересованность скорее в сдерживающей роли Альянса в самой Европе, нежели в ограниченных операциях блока за ее пределами.

К тому же планы по созданию ООГПГ являются лишь частью комплексных мер, направленных на расширение гарантий безопасности восточноевропейским членам НАТО со стороны Брюсселя и Вашингтона – мер столь искомых Варшавой, Вильнюсом и Ригой на протяжении последних десяти лет.

В обнародованных планах НАТО на ближайшие годы, помимо создания ООГПГ значится целый ряд действий, которые Альянс намерен предпринять с целью придания «острию копь» необходимой «пробивной» силы.

Они включают в себя:

- усиление постоянных соединений ВМС, с увеличением числа и состава боевых кораблей;

- создание многонациональной структуры командования, контроля, а также приемных пунктов НАТО на территории Болгарии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии. Сама структура будет являться постоянно действующей, а ее персонал, комплектуемый на ротационной основе, будет сосредоточен на вопросах планирования и выполнения задач коллективной обороны;

- повышение уровня готовности и потенциала Штаба многонационального корпуса «Северо-Восток» в Щецине (Польша);

- создание пунктов заблаговременного складирования военного оборудования и материалов;

- совершенствование инструментария НАТО, позволяющего усилить восточных членов Альянса через подготовку их национальной инфраструктуры (порты и аэродромы);

- увеличение количества учений, как в области кризисного урегулирования, так и коллективной обороны¹.

Фактически, в концепции ООГПГ акценты явно смещены с уже привычной для НАТО тематики глобальных и размытых «новых угроз» в сторону более «классического» и определенного источника опасности – суверенного государства, обладающего мощным военным потенциалом, который своими действиями способен угрожать Альянсу, его членам и партнерам. Более определенно речь может идти о создании механизма сдерживания именно крупной державы, которой исходя из позиций географии, а также из текста самого «Плана высокой готовности» в данном случае может являться только Российская Федерация.

Вместе с тем при более детальном анализе концепции ООГПГ, особенно при сопоставлении ее с концепцией СРН, нетрудно заметить, что первая преследует куда более скромные цели, нежели вторая. «Острие копь» планируется как небольшое (размером с бригаду) формирование, способное не столько укрепить обороноспособность «восточного фланга» НАТО, сколько продемонстрировать серьезность намерений блока по недопущению каких-либо посягательств на свою безопасность извне и обеспечению прочности межсоюзнических обязательств изнутри.

Очевидно, что для подобной демонстрации крупные силы в формате СРН (до 20 тыс. человек) подходят куда меньше, нежели компактные (до 5 тыс. человек) формирования, позволяющие Альянсу, с одной стороны расширить военное присутствие на своей восточноевропейской периферии, а с другой – исключить возможность непроизвольного перерастания такого присутствия из необходимого в избыточное, спровоцировав тем самым конфликт с «потенциальным противником». По заявлению генсека НАТО Й. Столтенберга, речь идет об использовании «нужных сил, в нужное время и в нужном месте»².

При самом худшем сценарии развития конфликта, многонациональная бригада ООГПГ, в состав которой войдут не более чем пять батальонов, должна стать неким авангардом уже существующих СРН, способных сдерживать противника малыми силами, локализовав конфликт и не давая ему разрастаться до неконтролируемых масштабов.

Этим, видимо, объясняется и само название Сил – «острие копь», основная часть которого «древко» (СРН) может и не быть задействовано в случае быстрого урегулирования (замораживания) конфликта, особенно если

¹ North Atlantic Treaty Organization. NATO's Readiness Action Plan, 23.02.2015 // http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_02/20150205_1502-Factsheet-RAP-en.pdf

² North Atlantic Treaty Organization. Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg prior to the Informal meeting of European Union Defence Ministers in Riga, 19.02.2015 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_117496.htm

учесть, что возможности для сдерживания вооруженных сил крупной страны у НАТО попросту отсутствуют.

Скромные боевые возможности ООГПГ в какой-то мере могут свидетельствовать и о нежелании Брюсселя перечеркивать полностью документальную базу сотрудничества с Москвой путем слишком быстрого наращивания сил Альянса. В первую очередь, речь идет об Основополагающем Акте от 1997 г., и в особенности той его части, где подчеркиваются заверения НАТО об отсутствии у Альянса намерений размещать существенные силы на территории своих восточноевропейских членов, т.е. вблизи российских границ.

К тому же, согласно озвученным планам НАТО, до 2016 г. силы ООГПГ будут существовать исключительно на временной (ротационной) основе и лишь затем обретут статус постоянно действующих¹. Это обстоятельство также не противоречит положениям Акта, предусматривающего возможность укрепления обороноспособности НАТО различными способами, но «не путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил»².

Следовательно, очевидная антироссийская направленность ООГПГ, а равно и самих планов НАТО по расширению военного присутствия на территории ряда стран Восточной Европы вряд ли способна полностью закрыть каналы для консультаций между Москвой и Брюсселем. Тем более, что скрытые оперативные планы Альянса в этом регионе, по заявлениям самих российских военных и дипломатов, осуществлялось и ранее, причем данные приготовления не вызвали сколь-нибудь жесткой реакции со стороны военного руководства РФ³.

Помимо этого, как признают эксперты, ротационный характер ООГПГ вряд ли способен превратить их в действенный военный механизм хотя бы в силу неравенства разделяемых между союзниками рисков от участия в конфликте с крупной державой. Как показал опыт упомянутых боевых групп ЕС, также комплектуемых на ротационной основе, в критический момент они оказывались недееспособными именно по причине нежелания «дежурной» страны-донора предоставить свой контингент для участия в конкретных операциях, даже гуманитарного характера (Конго), не говоря уже о боевых миссиях⁴.

Остается открытым и самый острый вопрос – финансирование сил в условиях так и не преодоленных диспропорций в военных бюджетах стран НАТО. Главным донором Альянса, обеспечивающим до 75% вложений в его общую корзину были и остаются Соединенные Штаты⁵ и, по всей вероятности, основное бремя расхо-

дов по поддержанию ООГПГ, как в случае со многими другими проектами НАТО, также ляжет на Вашингтон.

Между тем создание ООГПГ при их кажущейся компактности и немногочисленности является весьма дорогостоящей, хотя и менее затратной в сравнении с СРН, инициативой. По оценкам помощника госсекретаря США В. Ньюланд, доля ассигнований на создание новых сил только со стороны США должна составить примерно 1 млрд долл.⁶

Материальные обязательства остальных 27 членов блока пока не определены, однако многие эксперты сходятся во мнении, что ввиду ограниченности своих военных бюджетов, европейские союзники США выступят скорее основными поставщиками личного состава ООГПГ, нежели финансовыми спонсорами этой новой инициативы НАТО. На 2015 г. в этом качестве готовы выступить Германия, Нидерланды и Норвегия, которые специально делегируют в состав новых сил свои контингенты. В дальнейшем к ним присоединятся также военные из Франции и Великобритании, Испании и Польши, т.е. стран, выразивших готовность стать «рамочными» (framework) участниками процесса ротации ООГПГ⁷.

В руководстве НАТО рассчитывают на участие в Силах всех государств, входящих в Альянс, хотя на практике для многих из них оно может оказаться весьма символическим. За более чем 20 лет жизни после холодной войны, армии даже наиболее боеспособных государств-членов изменились до неузнаваемости. Сокращению подверглись не только личный состав вооруженных сил, но и возможности для их задействования на случай конфликта в Европе.

Отказавшемуся в 1991 г. от концепции «передового базирования» и, как следствие, от многочисленных армий Альянсу будет крайне непросто вернуться к прежним сдерживающим схемам.

Не исключено, что в целях компенсации «живой силы», необходимой для обеспечения функциональности ООГПГ, НАТО прибегнет и к помощи своих партнеров, в особенности тех из них, что уже успели присоединиться к СРН в том или ином качестве.

В числе таковых значатся не только европейские «нейтралы» (Финляндия и Швеция), но и страны постсоветского пространства (Украина, Грузия), стремящиеся развивать сотрудничество с блоком, как по линии программы «Партнерство ради мира», так и в рамках новой инициативы глобальных партнерств НАТО. Однако ввиду внутреннего конфликтного потенциала упомянутых постсоветских государств, их близости к России и вовлеченности в конфликты с ней, Брюссель вряд ли решится на сколь-нибудь существенное участие Киева или Тбилиси в многонациональных военных проектах НАТО.

Осознавая риски дальнейшей эскалации напряженности во взаимоотношениях с Москвой, западные союзники, по-видимому, будут вынуждены постепенно менять антироссийскую направленность ООГПГ, перенацеливая «острие копья» на другие мишени.

¹ North Atlantic Treaty Organization. NATO's Readiness Action Plan, 27.02.2015 // http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_02/20150205_1502-Factsheet-RAP-en.pdf

² Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора (подписан 27 мая 1997 г.) // http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_25468.htm

³ Сердюков заявил, что РФ будет «адекватно реагировать» на планы НАТО по защите от РФ // <http://www.newsru.com/arch/russia/13dec2010/serdukov.html>

⁴ Hardt H. Is the NATO rapid-reaction force fiction? // Washington Post December 23, 2014. // <http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/12/23/is-the-nato-rapid-reaction-force-fiction>

⁵ US Department of defense. Speech delivered by Secretary of Defense Robert M. Gates. Brussels, Belgium, Friday, June 10, 2011. // <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1581>

⁶ US State Department. Unity in Challenging Times: Building on Transatlantic Resolve. Remarks by Victoria Nuland Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs Brookings Institution. Washington, DC January 27, 2015 // <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2015/jan/236820.htm>

⁷ Заявление министров обороны стран НАТО о Плане действий по обеспечению готовности // http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_117222.htm

К таковым, причем вполне реальным, а отнюдь не гипотетическим угрозам в адрес НАТО, требующим эффективных механизмов сдерживания, в первую очередь относится нарастающая конфликтность на Ближнем Востоке, генерируемая боевиками Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ).

Особая заинтересованность в развитии ООППГ в этой связи может возникнуть у Турции, для которой возвращение Альянса к теме укрепления территориальной обороны, в свете нарастающей угрозы с юга, является выгодной тенденцией. Несмотря на растущий турецкий «антиатлантизм», союзники Анкары по НАТО вряд ли сбрасывают со счетов возможность серьезного подключения второй по численности армии в Альянсе к многонациональным силам на случай очередного конфликта на Ближнем Востоке.

На ближневосточном направлении открываются и некоторые возможности для развития диалога между Россией и НАТО, учитывая тот факт, что Турция на сегодняшний день является едва ли не единственным членом блока не присоединившимся к санкциям против Москвы.

Укрепление «южного фланга» НАТО способно снять некоторые озабоченности в отношении Москвы и Брюсселя, так как российская позиция никогда не сводилась к оспариванию права наций на территориальную самооборону в случае агрессии.

В то же время признание законных интересов и озабоченностей Турции угрозами со стороны ИГИЛ вряд ли способно в полной мере нивелировать системный кризис в отношениях России и Запада в целом. Для его преодоления необходим если не полный перезапуск формата этих отношений – сценарий, который в нынешней международно-политической обстановке представляется мало реалистичным, – то хотя бы восстановления ограниченной работоспособности уже имеющихся консультационных механизмов в рамках Совета Россия – НАТО. Последние позволят, по крайней мере, улучшить транспарентность между Альянсом и Россией в вопросах военной деятельности в пограничных регионах и снизить напряженность хотя бы применительно к вопросам размещения там войск и сил, опираясь на существующие механизмы мер доверия.

ВЫЗОВЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ НА ВОЛНЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Сергей Кулик,

директор по проблемам международного развития ИНСОР

Украинский кризис оказывает неблагоприятное воздействие на постановку и выполнение множества важных задач в глобальной повестке безопасности с участием России. На нем заострено внимание отечественных и зарубежных политиков и экспертов, которые уделяют самое пристальное внимание традиционным вызовами безопасности, особенно на евро-атлантическом пространстве. Под ними в основном предпочитают понимать вопросы военного и военно-политического порядка, что объяснимо в нынешней взрывоопасной обстановке.

На периферию политического и экспертного интереса уходят проблемы из списка того, что принято называть «нетрадиционными угрозами безопасности»; будь то безопасность здоровья в нашем взаимозависимом мире, финансовая и экономической разбалансировка, климатические изменения и т.п. В этом же списке – заметно усиливающиеся угрозы в киберпространстве.

Все они диктуют необходимость тесного международного сотрудничества, ибо находятся за пределами самостоятельных возможностей даже крупных государств. Некоторые из этих угроз чреваты последствиями для стабильности в странах, регионах и в мире в целом, по своим масштабам несопоставимыми с украинской трагедией с тысячами жертв – скажем, в случае преодоления систем защиты атомных станций или неконтролируемой пандемии.

Выделяя основные тенденции в мировом развитии на обозримую перспективу («мегатренды»), ведущие аналитические центры оказываются во многом солидарны при составлении их перечней и в их ранжировании. Они включают климатические изменения, растущий дефицит ресурсов, перегруппировку экономических центров силы, демографические трансформации, урбанизацию и технологические прорывы. Эти «мегатренды» – как и риски, с ними связанные – в той или иной мере касаются России, в достаточно высокой степени вовлеченной в глобальные и региональные процессы.

В этом более или менее «согласованном» мировым сообществом списке рисков, которые связаны с развитием международных процессов, особо выделяются проблемы кибербезопасности.

Эти проблемы все шире и глубже, прямо или незримо проникают во многие из приоритетных «мегатрендов». Они, включая кражу данных или подрыв функционирования критически важных объектов инфраструктуры, стали теснить даже традиционные угрозы геополитического характера.

При этом в обеспечении кибербезопасности на мировом уровне роль России оценивается весьма весомо. До недавнего времени такое отношение усиливало заинтересованность ведущих государств и объединений в конструктивном диалоге с РФ.

До украинского кризиса в результате многолетних усилий наметились важные развязки в сотрудничестве Запада с Москвой. Напомним, что после длительных дискуссий, урегулирования значительных разногласий удалось сделать на этом сложном направлении действительно прорывной шаг. Летом 2013 г. было подписано Совместное заявление президентов России и США о мерах доверия в сфере безопасности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их использования. Эстафету приняла Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в декабре того же года одобрившая «Предварительный перечень мер укрепления доверия» на этом участке. Предполагалось обменяться позициями и согласовать более широкий список для общей работы к октябрю 2014 г.; а затем – не ограничиваться перечнем предварительным, а заполучить одобренный всеми документ как своего рода «дорожную карту» для практической деятельности.

Но «подоспел» украинский кризис. Работа в рамках ОБСЕ фактически приостановлена, да и российско-американский диалог заморожен. А ведь указанные инициативы способны расширить содержание и географию мер доверия в сфере, которая становится ключевой в повестке безопасности. Причем ключевой в понимании всех сторон с достаточно широкой палитрой взаимодополняющих вопросов безопасности (от чисто социально-экономических до военно-политических).

Например, эти инициативы могли подтолкнуть работу над планом действий по безопасности критически важной банковской инфраструктуры. Масштабные сбои в ней, по общему признанию, не только оказали бы крайне дестабилизирующее влияние на страны – объекты атак, но и потребовали бы ответной реакции этих стран. Вплоть до военной – в случае обнаружения «авторов» и подозрений в их сотрудничестве с данным государством, а также в зависимости от масштабов ущерба для экономики и внутренней стабильности.

Однако легитимность военной реакции на такие действия в киберпространстве пока не закреплена должным образом в международном праве (да и в национальном) – в отличие, скажем, от миротворческого ответа на военные операции внутри отдельных государств. Необходима серьезная совместная работа для выработки правильных ответов на подобные вызовы.

Вместо этого на фоне ухудшения отношений России с НАТО, которая опирается на собственное видение кибербезопасности, ситуация свидетельствует об усилении неопределенности и напряженности, о фактическом прекращении диалога по разработке мер доверия, прямо или косвенно затрагивающих киберпространство. Заметно повышается градус разногласий между Россией и другими государствами, преимущественно западными, по поводу регулирования Интернета. Все это отнюдь не делает мир более безопасным и входит в противоречие с адекватностью реагирования на глобальные «мегатренды», на те же вызовы для экономической и финансовой стабильности.

В этой связи обратимся к Декларации, принятой на саммите НАТО в Уэльсе в начале сентября 2014 г. (п.п. 72–73). Наряду с одобрением «Улучшенной политики киберобороны» (Enhanced Cyber Defence Policy), в ней отмечено, что «кибернападения могут достигнуть такого уровня результатов, которые угрожают евроатлантическому благосостоянию, безопасности и ста-

бильности... Решение о том, когда кибернападение потребует использовать Статью 5, будет приниматься Североатлантическим советом на индивидуальной основе». Другими словами, кибербезопасность вторглась в «святыню святынь» НАТО, статью 5 о коллективном использовании военной силы в ответ на нападение на одного из членов Альянса.

Одна из ключевых сложностей в прочтении такого сигнала из Брюсселя состоит в отсутствии достаточно ясных критериев для ответственной оценки «уровня результатов» нападения (даже в рамках НАТО, не говоря о других площадках, таких, как ООН). Вернемся к казалось бы далекой от военной темы банковской инфраструктуре, подрыв которой напрямую касается «благосостояния» евро-атлантического ареала. Такого рода серьезные атаки против банков (в том числе с подозрениями на Иран) уже имели место, но без силового ответа Альянса. По всей видимости, они не достигли того «уровня результатов» для соответствующих решений в русле указанных установок НАТО. Однако в будущем могут появиться иные сценарии.

По ходу бурного развития ИКТ и без должной защиты инфраструктуры увеличивается опасность действительно масштабного урона для экономик стран – участниц Альянса. Но для ее купирования полезнее сотрудничать и находить понимание у других важных акторов, договариваться о «правилах поведения» в киберпространстве – возможно, на основе общего кодекса правил.

В следующем пункте Декларации подчеркнуто, что «партнерство играет ключевую роль в обращении с киберугрозами и рисками». В это партнерство вовлекаются как «отдельные страны-партнеры, так и международные организации». К последним причислен Евросоюз, Россия в «партнерах» уже не числится.

В такой организации, как НАТО, кибербезопасность является крайне чувствительной темой. Не удивительно, что и в годы «партнерства» с Россией особо тесных контактов здесь не наблюдалось. Но и нервы были менее напряжены. А договоренность с Вашингтоном в 2013 г. могла бы дать определенный сигнал для расширения обмена мнениями с российскими коллегами. Во всяком случае, двери для диалога по этой теме были приоткрыты.

Этот сигнал был, как уже сказано, получен ОБСЕ, в которую входят и члены НАТО, и страны Евросоюза, и Россия вместе со своими союзниками. Естественно со списком по мерам доверия, который не совпадает с приоритетами НАТО, но способствовал бы более спокойной и продуктивной работе по предотвращению угроз в киберпространстве от Ванкувера до Владивостока.

В России этой теме также уделяется повышенное внимание, о чем свидетельствуют формулировки новой военной доктрины, принятой в самом конце 2014 г. Однако в документе на сей раз более выпукло очерчены угрозы со стороны Альянса. В сфере информационной безопасности заметный акцент сделан на взаимодействии с другими странами и объединениями – ШОС и БРИКС. Однако очевидно, что даже при тесном сотрудничестве с ними многие серьезные угрозы в киберпространстве сохраняются.

В этой связи стоит напомнить, что до украинского кризиса в базовых установках России были зафиксированы намерения более широкого сотрудничества. Так, в принятых в июле 2013 г. «Основах государственной политики

Российской Федерации в области международной информационной безопасности» даны ориентиры для работы со всеми возможными партнерами по данной тематике.

Перейдем от официального, доктринального уровня на экспертный. Здесь также фон все более неблагоприятный для диалога.

Несмотря на доминирование украинской темы на прошедшей в феврале ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности, в дискуссии и затем в материалах форума особое место было уделено вызовам для кибербезопасности, как, впрочем, и на предыдущей. Но тогда имя России еще звучало. На сей раз отдельных упоминаний не встречалось. Притом, что уровень рассуждений заметно повышается, а рамки расширяются.

Так, за последний год существенно оживились дебаты по поводу конкретизации терминов «киберсдерживание» и «автоматический ответ» в киберпространстве. Как известно, «сдерживание» и «автоматический ответ» взяты из словаря сценариев ядерного противостояния времен холодной войны. Не случайно, что отдельные авторитетные специалисты оценивают эти дискуссии и проводимые параллели как во многом спорные с правовых и этических позиций.

Одной из главных претензий остается упомянутая способность должной оценки ущерба и последствий в случае неудачи политики сдерживания. В ядерном противостоянии такого рода калькуляции попроще: источник нападения может быть четко определен, а масштаб нападения (одна или сотня ракет) – заранее рассчитан по вероятному ущербу для составления различных сценариев ответа. В еще новой и во многом неизведанной области киберугроз крайне сложно определить источник атаки – с тем уровнем достоверности в сдерживании ядерном, которая бы давала основание приступить к ответным мерам, причем не только военным, но и ограниченным контрмерам в самом киберпространстве. Список неопределенностей сравнительно с традиционным сдерживанием можно продолжить. В сухом же остатке – крайняя сложность именно для киберпространства разработать нужные критерии для различных сценариев, к которым пытаются подверстать понятия «кибервойна», «киберсдерживание» и др.

Динамика экспертных обсуждений за пределами РФ, некоторые результаты которых постепенно оформляются в доктринальные документы ряда государств, заметно растет. Но опять-таки вследствие украинского кризиса российские эксперты оказались за рамками дискуссий, хотя ранее и принимали участие в совместных обсуждениях общих угроз безопасности в киберпространстве. Более того, в зарубежных аналитических разработках все чаще присутствует российская тема – теперь больше под углом вероятных опасностей и вызовов. В целом, все в большей степени акцент делается на военные и военно-политические аспекты, нежели на нетрадиционные вызовы безопасности.

Кризис оказал влияние и на ход обсуждений на международных площадках, где затрагиваются проблемы глобального регулирования Интернета. Здесь пока диалог сохраняется, но с нарастанием разногласий. Эти дискуссии свидетельствуют об усилении политической составляющей, которая мешает наметившимся совсем недавно общим позициям по модификации существующего режима управления Всемирной сетью.

Одним из опаснейших следствий украинского кризиса является то, что действительно актуальные и крайне востребованные задачи его урегулирования заслоняют принятие с участием России решений иных проблем, важных для всего мира. При этом данные проблемы не имеют прямого касательства к военным вызовам, но все больше воздействуют на состояние национальной безопасности отдельных государств, а те в свою очередь связаны с состоянием и функционированием киберпространства.

Все же стоит надеяться на то, что уже возникшее общее понимание глобальных опасностей и издержек в сбоях в этом пространстве позволит подняться над нынешним противостоянием вокруг кризиса в Украине и возобновить конструктивный диалог. Ведь по линии антитеррористического сотрудничества консультации и сверка позиций сохраняются. А эта линия относится к таким же глобальным вызовам, как и кибербезопасность.

«МИТТЕЛЬШПИЛЬ» А. МЕРКЕЛЬ: ОТ РОЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТРАГЕНТА К КОНТИНЕНТАЛЬНОМУ ЛИДЕРСТВУ

Татьяна Арзаманова,

сотрудник Центра по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН

26 декабря 2014 г. журнал «The Times» назвал канцлера Германии А. Меркель человеком года, указав при этом, что, по мнению издания, именно главе германского правительства Европа обязана снижением градуса напряженности в отношениях с Россией, возникшей в ходе ук-

раинского кризиса. Этот жест – признание внешнеполитических заслуг А. Меркель, за которыми стоит гораздо больше, чем успешный дипломатический маневр. В течение года изменились правила игры на мировой политической арене, конфигурация европейского внешнепо-

литического поля и ценность фигур на этой доске. На фоне украинского кризиса произошел разрыв тесного партнерства Германии с РФ, была утрачена роль своего рода моста между Востоком и Западом, которую ФРГ играла с момента своего объединения в 1990 г. У России сейчас нет партнера в ЕС, близкого к той роли, которую играла Германия, необходим новый европейский переговорщик, способный не только выполнять функции членской дипломатии, но и эффективно способствовать сближению позиций сторон и сглаживанию острых углов. Происходит «бунт на корабле» в рамках Евросоюза, многие страны-участницы которого недовольны жесткой линией А. Меркель по выводу еврозоны из кризиса. Из государств Европейского союза в ФРГ, остающуюся, несмотря на трудности, одной из самых благополучных стран ЕС, хлынул огромный миграционный поток. В настоящий момент Германия, столкнувшись с таким спектром проблем, переживает векторный кризис развития, обусловленный необходимостью смены внешнеполитических доминант, и находится в поиске новой европейской ориентации и конфигурации равновесия в Европе.

Для общественного мнения ФРГ ситуация с присоединением Крыма к РФ стала настоящим потрясением. Вся послевоенная история Германии была построена на идее безусловного соблюдения международного права, решения конфликтов политическим путем с использованием финансовых рычагов. Большинство немцев считали этот шаг Москвы разрушением Ялтинского миропорядка и угрозой для стабильности континента. Для германского политического истеблишмента и гражданского общества соблюдение существующих правовых норм – не только краеугольный камень политической культуры, но и основа самосознания германского государства в мире. В силу трагической истории XX в. ФРГ исключительно важно следовать букве закона, а вот понятие исторической справедливости скорее табуировано, ведь именно идея исторического реваншизма привела страну к Третьему Рейху. При этом, хотя в германском общественном дискурсе и существует широкий консенсус относительно неправомерности присоединения Крыма к РФ, все чаще звучат голоса противников «демонизации» России, способной раскрутить конфликт до точки невозврата. Официальный Берлин понимает, что любые резкие шаги или заявления способны катастрофически обострить ситуацию и сделать ее неуправляемой, когда борьба европейских и заокеанских акторов за сферу геостратегических интересов приведет к мировому хаосу. Дипломатические усилия по разрешению кризиса в Украине напоминают сейчас химический эксперимент, когда добавляют по чуть-чуть реактивы и с интересом ждут их взаимодействия, но если как следует встряхнуть колбу, реакция может стать непредсказуемой и привести к самым печальным последствиям.

На данный момент очевидно, что одной из главных проблем кабинета А. Меркель представляется полное отсутствие посткризисного плана взаимодействия с Россией. В краткосрочной перспективе глава германского правительства оказывается перед непростым выбором: продолжать проводить небывало жесткую для нее линию в отношении Москвы или «проявить понимание» и пойти на известные уступки. Во второй раз за последнее столетие Германия стоит перед необходимостью определения – продолжить дрейф в сторону укрепления

трансатлантической солидарности или сохранить, хотя бы отчасти, роль моста между Европой/Западом и Россией. Федеральная канцлер оказалась в несколько парадоксальной и явно некомфортной для нее ситуации: в Москве ее поведение в ходе Украинского кризиса восприняли как предательство многолетнего особого партнерства ФРГ – РФ в угоду интересам Вашингтона, в Евросоюзе одни недовольны слишком жесткой линией Меркель, другие обвиняют ее в чрезмерном внимании к интересам Кремля. В США прямо говорят о мягкотелости и пророссийской ориентации германского лидера. Между тем, выступая в Институте международной политики в Сиднее 17 ноября 2014 г., А. Меркель позволила себе беспрецедентную со стороны федерального правительства критику действий Кремля за всю историю существования Берлинской республики: «Кто бы мог даже подумать о том, что через четверть века после падения Берлинской стены и окончания холодной войны, разделившей мир на два блока, такое возможно в самом сердце Европы: мышление вчерашнего дня в категориях зон влияния, попрание ногами международного права»¹. 7 февраля 2015 г. на съезде ХДС федеральная канцлер заявила следующее: «Правительство ФРГ, европейское руководство, Германия и Франция будут прилагать усилия, направленные на то, чтобы Украина смогла двигаться по собственному пути, сохранять территориальную целостность, но также мы все сделаем для того, чтобы иметь возможность повторять: мы хотим, чтобы Россия была нашим партнером, мы хотим делать это вместе с Россией, а не против нее. Но при этом мы не можем отказаться от наших принципов. Аннексия Крыма является нарушением международного права»². 16 марта 2015 г. после переговоров в Берлине с П. Порошенко А. Меркель выступила с заявлением, в котором подчеркнула, что «страны Запада никогда не забудут аннексию Крыма, но тем не менее следует продвигаться дальше к мирному разрешению кризиса в Украине»³. В своем заявлении перед Бундестагом накануне саммита ЕС 19 марта 2015 г. она заявила, что «Россия посредством аннексии Крыма поставила под вопрос европейский мирный порядок»⁴. Глава германского правительства апеллировала к другим государствам ЕС с призывом и дальше сохранять консолидированную позицию по украинскому вопросу: «ЕС выстоял перед этим вызовом, нас нельзя было расколоть. И я, и все федеральное правительство хотели бы, чтобы это так и оставалось»⁵.

Между тем неожиданно для своих оппонентов 19 декабря 2014 г. А. Меркель делает следующее заявление: «Если президент В. Путин говорит о том, что выступает за территориальную целостность Украины, то его словам стоит верить. И мы должны сделать все, чтобы эта политика была реализована. Мы настроены на политический диалог с Россией». Основанием такого изменения риторики федерального канцлера послужило, скорее всего, осознание того, что с РФ нужно договари-

¹ Rede von Bundeskanzlerin Merkel am Lowy Institut fuer Internationale Politik am 17. November 2014 // www.bundesregierung.17/11/2014

² www.matthias-heider.de/index.php?ka=1&ska=48&fmr=11

³ Dokumentation: Bundeskanzlerin Merkel und der ukrainischen Präsidenten Poroschenko in Berlin // Bundeszentrale für politische Bildung

⁴ Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 94. Sitzung, Plenarprotokoll 18/94, 19.03.2015.

⁵ Regierungserklärung, 19.03.2015.

ваться, и что санкции в первую очередь способствуют консолидации российского общества вокруг Кремля на волне антизападных настроений. Кроме того, Европа уже просто устала от украинского кризиса и конфликта с РФ, поэтому А. Меркель пытается немного смягчить европейскую позицию в противовес жесткой риторике, звучащей в Соединенных Штатах. Между тем, в российском медиапространстве неоднократно звучали обвинения в адрес германского канцлера в блоковом мышлении, внешнеполитической зависимости и следовании в фарватере США.

18–19 декабря 2014 г. ЕС и США приняли решение о введении новых секторальных санкций в отношении Кремля. В правительственном заявлении от 16 декабря 2014 г. А. Меркель подчеркнула свою решимость «защищать интересы Киева», а также возложила на РФ вину за попытку «расколоть Европу», отметив, что таким образом у Европы нет иного пути, кроме как прибегнуть «к языку санкций». Выступая 18 декабря 2014 г. перед Бундестагом, А. Меркель заявила, что санкции «неизбежны», поскольку ЕС исходит из того, что РФ «не уважает суверенитет Украины», и что санкции являются не самоцелью, а «лишь инструментом для разрешения ситуации».

Однако позиция по вопросу санкций внутри правящей коалиции вовсе не была единодушной. Точка зрения министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера выглядит гораздо более умеренной, он явно пытается сгладить острые углы и сохранить германо-российские отношения на хотя бы приемлемом уровне. Глава внешнеполитического ведомства ФРГ неоднократно в своих выступлениях говорил о необходимости переноса акцентов с санкционной политики на политику «новой разрядки» в Европе. Глава МИД ФРГ опасается, что сотрудничество между Германией и РФ будет основательно разрушено в результате чрезмерно жесткой позиции кабинета А. Меркель, и Германия уже не сможет впоследствии вернуться к прежнему градусу двусторонних отношений. У Ф.-В. Штайнмайера есть четкое понимание того, что дестабилизация российской экономики и фатальное ослабление рубля не только не принесут положительной динамики в процесс антикризисного урегулирования в Украине, но и явятся сильным деструктивным моментом для безопасности Европы, и более того, способны подтолкнуть Кремль к самым решительным действиям. Контраст с риторикой канцлера столь разителен, что А. Меркель пришлось заявить в рамках заседания фракции ХДС/ХСС в Бундестаге 24 ноября 2014 г., что все ее шаги «согласованы с министром иностранных дел» и ни о каком расколе в правящей коалиции по вопросу о Крыме и политике Москвы речь не идет.

Глава Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и второй человек в правительстве З. Габриэль тоже поспешил откеститься от жесткой внешнеполитической линии своего канцлера: «Ни Германия, ни Европа в целом не заинтересованы в том, чтобы РФ скатилась к экономическому хаосу, следовательно, требования ужесточения санкций заведомо неправильны»¹. С точки зрения вице-канцлера, подобные шаги могут спровоцировать обострение ситуации, поэтому во главу угла

должны быть поставлены попытки вовлечь российские власти в переговоры о бескровном урегулировании ситуации в Украине. «Нужна новая «политика разрядки в Европе»², – заключил З. Габриэль. Критика А. Меркель со стороны оппозиционных депутатов Бундестага была еще более острой, канцлера напрямую обвиняли в развязывании новой холодной войны в Европе.

В свою очередь германские бизнес-элиты считают санкционную политику не только противоречащей интересам германского бизнеса, но и не эффективной в принципе, так как она, прежде всего, способствует усилению антизападных настроений в российском обществе. В начале декабря 2014 г. около 70 влиятельных политиков, предпринимателей и деятелей культуры подписали обращение к германскому правительству с говорящим заголовком «Снова война в Европе? Не от нашего имени»³, в котором потребовали отменить санкции в отношении российской экономики, апеллируя к тому, что нельзя разрушать нарабатываемые годами двусторонние связи, это не принесет выгоды ни одной из сторон и будет иметь весьма отрицательные последствия в долгосрочной перспективе. Позволю себе привести несколько пассажей из этого обращения, которые как нельзя лучше отражают представления внутригерманской оппозиции жесткому курсу кабинета А. Меркель по отношению к внешнеполитической линии РФ: «Никто не хочет войны. Но Северная Америка, Европейский союз и Россия неизбежно придут к ней, если они окончательно не остановят катастрофическую спираль угроз и контругроз. Все европейцы, включая Россию, несут совместную ответственность за мир и безопасность. В этот момент большой опасности для континента, Германия несет особую ответственность за сохранение мира. Без готовности на примирение российского народа, без поддержки наших западных союзников и без разумных действий тогдашнего федерального правительства раскол Европы не был бы преодолен. Мы, нижеподписавшиеся, взываем к федеральному правительству следовать своей ответственности за мир в Европе. Мы не должны изгонять Россию из Европы, это было бы исторически неразумным и опасным для мирного порядка»⁴.

Ведущие политики СДПГ от министра Ф.-В. Штайнмайера до патриархов германской политики Г. Шмидта и Э. Бара говорят о необходимости «новой разрядки в Европе». «Die Zeit» процитировала высказывание последнего: «Германия никогда не признавала ГДР с точки зрения международного права, но считалась с ней. В отношении Крыма можно действовать таким же образом»⁵. При этом Э. Бар подчеркнул, что призывает международное сообщество не признавать аннексию Крыма, а просто считаться с этим фактом. Бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт полагает, что корни Украинского конфликта следует искать в Маастрихтском договоре, предусматривавшем расширение ЕС на Восток без учета российских интересов. С точки зрения социал-демократического крыла правящей коалиции ФРГ, необходима новая Восточная политика Германии и «сохранение» РФ в Европе, и самое главное (и, на мой взгляд, это очень важ-

² Ibid.

³ Wieder Krieg in Europa? Nicht in unserem Namen! // Die Zeit, 5 December 2014.

⁴ Ibid.

⁵ Die Zeit, 26.11.2014.

¹ Gabriel: Verfall der russischen Wirtschaft nicht in deutschem Interesse // Der Tagesspiegel, 21.12.2014.

ный момент) – конфликт в Украине невозможно в принципе урегулировать до тех пор, пока за ним скрывается конфликт Запада с Россией.

Таким образом, очевидно, что в Германии достигнут широкий общественный консенсус относительно неправомерности присоединения Крыма к РФ и нарушения территориальной целостности и суверенитета Украины, однако определенная влиятельная часть политических, финансовых и экспертных кругов выступает за сохранение России любым путем в рамках переговорного процесса и возвращение отношений ЕС – РФ на приемлемый для этого уровень.

17–19 марта 2015 г. на саммите в Брюсселе государства – члены ЕС не смогли прийти к консенсусу относительно дальнейшей судьбы секторальных санкций в отношении российской экономики, в итоге было принято компромиссное решение – отложить вопрос до июня с. г., увязав их при этом с выполнением РФ Минских соглашений в полном объеме. Очевидно, что помимо обоюдных экономических издержек, западные санкции имели еще несколько побочных последствий, прежде всего они вызвали в российском обществе разочарование в Европе как свободном акторе мировой политики и породили разговоры о следовании ЕС, и в первую очередь Германии в фарватере США. Следствием санкционной политики ЕС и США стало и то, что при принятии решений репутационные риски не имеют для Кремля больше никакого значения.

Настроения германского общества относительно кризиса в Украине хорошо демонстрируют данные социологических опросов, проведенных 19 и 20 ноября 2014 г. агентством Dimap по заказу телеканала ARD, согласно результатам¹ которых, 48% респондентов высказались против признания вхождения Крыма в состав РФ, за – 39% опрошенных. При этом 43% не видят для себя угрозы со стороны внешней политики Кремля, 54% полагают, что она является угрозой для Германии. Накануне Мюнхенской конференции по безопасности 2015 г. это же агентство по заказу Die Welt и канала ARD провело социологический опрос, по данным которого² 70% немцев опасаются, что кризис между РФ и Западом может обостриться и выльется в новый продолжительный конфликт по линии Восток – Запад³. Число сторонников сохранения санкций выросло с 54% (декабрь 2014 г.) до 65%. Более половины опрошенных (55%) хотели бы более «решительной политики ЕС по отношению к Москве». 78% респондентов заявили, что России «не стоит доверять». 89% опрошенных согласны с тем, что НАТО очень важна для сохранения мира в Европе, 49% – считают, что Альянс должен взять на себя большую ответственность за урегулирование кризиса на Украине, 46% – не согласны с такой постановкой вопроса.

По данным социологического опроса⁴, проведенного в марте 2015 г. германским Институтом изучения общественного мнения Алленсбаха, 67% опрошенных считают, что «Россия по-прежнему является мировой держа-

вой», 82% полагают, что Россия играет «важную роль в мировой политике». Между тем, за отмену или сокращение санкционных мер по отношению к России высказался только 21% опрошенных, 39% считают, что санкции следует продлить и еще 19% выступают за их ужесточение. 55% респондентов назвали РФ ответственной за конфликт в Украине, 34% отводят эту роль сепаратистам, 20% – Украине, 17% – США, 6% возлагают вину на ЕС. 58% респондентов в ходе опроса поддержали предположение о том, что Россия «хочет расширить свою сферу влияния в мировом масштабе», 30% согласились с утверждением, что РФ «не желает ничего иного, кроме сохранения своих позиций и только защищает свое влияние в Восточной Европе». 88% респондентов воспринимают отношения РФ-ФРГ как «не очень хорошие».

Пока действия А. Меркель вписывались в трехстороннюю стратегию: поддержка Киева, санкции против Кремля и попытка удержать Москву за столом переговоров. При этом возникает устойчивое ощущение, что в «антикризисном дуумвирате» Меркель-Штайнмайер первая стремится любой ценой сохранить консолидированную позицию Европы по вопросу антироссийских санкций и истоков кризиса в Украине, в то время как глава германского МИДа больше обеспокоен сохранением возможности восстановления в будущем партнерских отношений Германии с Россией, традиционно важных для германских социал-демократов. Впрочем, для обеих сторон важнейшим принципом кризисного урегулирования в Украине продолжает оставаться его мирный характер. Так, в ходе Мюнхенской конференции по безопасности 2015 г. А. Меркель решительным образом высказалась против поставок оружия⁵ в Украину, так как следствием такого шага стала бы «гонка вооружений с РФ», при том, что прогресса по Украине в любом случае «нельзя достичь путем поставок оружия»⁶. Смысл выступления федерального канцлера сводился к необходимости продолжения дипломатических усилий на фоне готовности к «долговременной конфронтации с Москвой»⁷. 9 февраля 2015 г. А. Меркель во время встречи с Б. Обамой в Вашингтоне удалось предотвратить принятие решения о поставках летального оружия Киеву. Главным сдерживающим моментом для Вашингтона в отношении поставок высокоточного оружия в Украину можно считать даже не позицию европейских партнеров, а необходимость переброски в Украину помимо высокоточного оружия обучающего персонала и спецподразделений для его охраны; этот шаг переведет конфликт уже в другую плоскость – прямого контактного противостояния РФ и США.

В европейском и российском интеллектуальном пространстве за последний год часто звучали упреки в адрес А. Меркель в «излишнем атлантизме». Однако не стоит забывать, что ни одно поколение германских политиков выросло с ощущением, что Североатлантический альянс – это их «alma mater», то, благодаря чему стало возможным само существование Боннской рес-

¹ Knapp 40 Prozent der Deutschen für Anerkennung der Krim als russisch // www.de.sputniknews.com/panorama/20141124/270067147.html

² Eine Umfrage zur politischen Stimmung im Auftrag der ARD-Tagesthemen und der Tageszeitung Die Welt. Februar 2015 // www.infratest-dimap.de

³ Fuercht von neuem Kalten Krieg waechst // *die Welt*, 06.02.2015.

⁴ Mehrheit gibt Putin Schuld am Ukraine-Konflikt // *FaZ*, 17.03.2015.

⁵ По предварительным данным, речь идет о самолетах-беспилотниках и прочем вооружении и др. на общую сумму около 3 млрд долл.

⁶ Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der 51. Münchener Sicherheitskonferenz // www.bundesregierung.de

⁷ Ibid.

публики и впоследствии объединение страны. Американское присутствие на континенте отчасти нивелировало определенные опасения европейских государств из-за растущей мощи объединенной Германии и позволило ей со временем взять на себя лидирующие функции. Новый Генсек НАТО Й. Столтенберг, выступая на германской базе в Афганистане в ноябре 2014 г. подчеркнул, что Германия должна взять на себя ведущую роль в Европе и в военном отношении. Однако если в последние годы НАТО использовалась как инструмент для операций в горячих точках, то сейчас в Европе на повестку дня возвращается ее значение как классического оборонительного союза. Хотя для реагирования на тактику «гибридных» войн механизм принятия решений Альянса, созданного в качестве оборонного союза в эпоху холодной войны с ее глобальной угрозой, когда основополагающую роль играла доктрина ядерного сдерживания, оказался совершенно не приспособлен.

В феврале 2015 г. в Германии началась подготовка новой Белой книги бундесвера – военной доктрины ФРГ, которая должна соответствовать всей совокупности рисков и угроз, стоящих перед лицом Германии. В действующей Белой книге 2006 г. РФ определяется как «выдающийся» партнер, с которым ведется тесное сотрудничество в рамках таких международных форматов как ЕС и НАТО. Совершенно очевидно, что в новой редакции будут использованы дефиниции иного рода. Глава оборонного ведомства ФРГ У. фон дер Ляйен полагает, что позиция Москвы по Украине изменила европейскую архитектуру безопасности и теперь Германии предстоит найти адекватный ответ на происходящее¹. Новая стратегия будет отражать отношение Германии к новой *modus operandi* России при отстаивании своих интересов, которые германская сторона рассматривает как возвращение к «геополитике с позиции силы»². В то же время, по словам министра, при подготовке документа будут учитываться и возможности для восстановления добрососедских отношений с Российской Федерацией. В свете последних событий Германия также приостановила военную реформу по сокращению обычных вооружений, в целях повышения боеготовности армии боеспособная военная техника более не подлежит уничтожению. В германском медийном пространстве все чаще мелькает точка зрения, согласно которой Германии нужен сильный модернизированный и высокобюджетный бундесвер для стабилизации ситуации в Европе – в качестве главного козыря на переговорах с Москвой.

В Германии в настоящий момент наблюдается очень мощная внутривластная поддержка усилиям А. Меркель по урегулированию украинского кризиса в рамках Нормандской четверки. Возвращение канцлера на родину после подписания Комплекса мер по выполнению Минских соглашений было триумфальным, усилия в ходе 16-часовых переговоров названы беспрецедентными, а депутаты Бундестага выступили с инициативой вручения ей Нобелевской премии мира. Однако главным вопросом сейчас остается эффективность этих соглашений и то, удастся ли избежать эскалации конфликта любой ценой. А. Меркель рассматривает пакет соглашений Минск-2 как

инструмент возобновления утраченного политического диалога, а не инструмент решения проблемы. В ходе тяжелейших Минских переговоров задачей федерального канцлера, прежде всего, было предоставить окно возможностей (а скорее, даже форточку) для поиска возможных компромиссов.

Несмотря на громкий дипломатический успех, далеко не всегда внешнеполитическая активность Германии вызывает положительную реакцию. Очень показательна в этом отношении недавняя история с обложкой журнала «Spiegel» (№ 13/2015), на которой был изображен фотоколлаж с А. Меркель в окружении офицеров вермахта. В тематической статье речь шла об ухудшении образа Германии в других странах, где все чаще звучат сравнения с нацистским прошлым и недовольство навязыванием ФРГ своей линии другим странам – участницам ЕС. Сейчас Германия вполне благополучна на фоне остальных государств – членов ЕС, в стране рекордно низкий уровень безработицы, в 2015 г. она вступила с отсутствием государственной задолженности, демонстрирует хорошие экономические показатели. Экономическое доминирование Германии на континенте в условиях кризиса автоматически должно было повлечь за собой и политическое. И все чаще в странах ЕС звучат обвинения германского правительства в экономической и финансовой экспансии в Европе, а также ее чрезмерных политических амбициях.

Помимо проблем с восточными соседями, А. Меркель пришлось иметь дело еще и с греческой фрондой. 24 февраля 2015 г. Еврогруппа продлила программу финансовой помощи Греции до июня этого года. Федеральный канцлер в категорической форме высказалась против списания греческой задолженности, опираясь на полную внутривластную поддержку в этом вопросе – 48% немцев выступают за то, чтобы в данной ситуации Греция вышла из еврозоны, поскольку эксперты фиксируют рост рисков для еврозоны и национальных экономик ЕС. Правительство Германии исходит из того, что Греция обязана покрыть свои долговые платежи в полном объеме (320 млрд евро), используя для этого режим жесткой экономии, предложенный Германией; в противном случае Европейский Центральный банк (ЕЦБ) вынужденно прекратит кредитную поддержку греческих банков, что неизбежно окончательно обрушит греческую экономику.

Греческое правительство А. Ципраса подняло вопрос о моральном праве на лидерство Германии в ЕС, заявив при этом, что, прежде всего, Германия должна выполнить свой исторический долг перед Грецией в полном объеме, а именно речь идет о репарациях и выплате многомиллионных компенсаций родственникам жертв фашистского режима в Греции. Греческий премьер-министр подчеркнул, что «Память о преступлениях, совершенных солдатами Третьего рейха, до сих пор жива в Греции и в Европе, эта память должна быть сохранена для будущих поколений, а наш исторический, политический и моральный долг сделать это. Германия должна заплатить свои долги»³. 20 марта 2015 г. после трехсторонней встречи с премьер-министром Греции, членами Еврокомиссии и Европейского Центробанка

¹Von der Leyen schreibt ein Buch «ohne Tabus» // Die Welt, 17.02.2015

²Ibid.

³RG, 12/03/2015. N 6623(52).

Меркель заявила, что европейская финансовая помощь будет предоставлена Греции только после проведения в стране ряда структурных реформ, в полном соответствии с Соглашением от 20 февраля. За несколько дней до этого министр обороны Греции П. Камменос прямо заявил, что «Германия идет курсом на разрушение Евросоюза»¹. Между тем сторонам все же удалось прийти к известному компромиссу: после встречи в Берлине А. Меркель с премьер-министром Греции А. Ципрасом, вопрос о выплатах Германией репараций греческой стороне был снят. А. Ципрас особо отметил в своем заявлении по итогам встречи, что «было бы неверным возлагать полностью на иностранцев ответственность за проблемы Греции»², а так же подчеркнул, что греческое правительство не собирается конфисковывать германские активы на территории Греции. От развития внутренней ситуации в Греции, объема и успешности структурных реформ ее экономики, выплат многомиллионных кредитов греческим правительством сейчас зависит как будущее еврозоны, так и экономический климат Европы в целом. Рост евроскептицизма в Европе – еще один вызов внешней политике кабинета А. Меркель.

Чем дольше продолжается война в Украине, тем сильнее усталость и разочарование Европы, и тем больше рисков испытывает архитектура безопасности континента, а вернее, то, что от нее еще осталось. Европа устала от украинского кризиса, устала морально, экономически (санкционная политика ведет к сокращению доли экспорта и ослаблению евро на фоне роста швейцарского франка, который становится все более привлекательным в качестве резервной валюты, а также юаня и йены). Очевидны разочарование европейцев и непонимание ими того, как складывается внутривосточная ситуация в Украине.

Украинский кризис – это по своему уникальный конфликт в современной истории Европы, в котором изначально не было готового решения и последующего «продавливания» одной из сторон нужного результата. Главная задача, которая стоит сейчас перед А. Меркель как перед политическим лидером Европы – полностью перевести украинский конфликт из плоскости российско-американских отношений в рамки общеевропейской проблемы, таким образом дав ему шанс на нормализацию вне исторического контекста противостояния двух сверхдержав. Главный внешнеполитический успех Европы на пути кризисного урегулирования – выработка единой позиции и возвращение к принципам классической дипломатии. Европа обсуждает и договаривается, не имея на руках конкретного плана выхода из кризиса и вынуждена шаг за шагом прибегать к попыткам нащупать механизмы, позволившие бы выйти из патовой ситуации. Ситуация в Украине настолько взрывоопасна, что ключи к ее решению могут быть найдены только за столом переговоров с участием всех сторон. Впервые со времен окончания холодной войны была задействована классическая большая дипломатия в духе великих европейских традиций. Одной из центральных заповедей германской внешней политики стало стремление уйти от односторонних действий, именно по этой причине был

реанимирован франко-германский тандем – дабы избежать обвинений в претензиях не на лидерство, а на превосходство.

Совершенно очевидно, что у Германии в настоящий момент отсутствует долгосрочная стратегия в отношении России. Канцлер предпочла отложить принятие решения о судьбе антироссийских санкций до июля 2015 г., когда в Германии пройдет саммит Группы-7. Об этом же свидетельствует и решение А. Меркель воздержаться от участия в параде на Красной площади 9 мая и намерение участвовать вместе с российским президентом в возложении цветов к могиле Неизвестного солдата 10 мая. Это – явная попытка взять тайм-аут для стратегического поворота, не вставая на сторону ни Москвы, ни Вашингтона. Сознательный шаг со стороны германского канцлера, сопряженный с серьезными имиджевыми издержками.

Необходимо новое определение своего места в Европе и в мире, – то, чего так боится Германия со времен Боннской республики. В новой хаотичной системе миропорядка Европе заново придется учиться договариваться – между собой и с другими крупными мировыми игроками. Ключом к урегулированию кризиса в Украине может стать только сближение позиций России и Запада в целом, иного выхода из сложившейся ситуации просто нет.

Германия, многолетний реципиент безопасности на континенте, чувствующая себя крайне комфортно в этой роли, *volens-nolens* вынуждена взять на себя функцию донора безопасности в Европе. Сейчас речь идет даже не о том, может ли Германия позволить себе большую самостоятельность во внешней и оборонной политике и большие политические функции в рамках ЕС, как это было в первые годы существования Берлинской республики. Сейчас сама жизнь толкает Германию к роли политического лидера континента, ибо альтернативы попросту нет. Франция слишком завязла в своих внутривосточных проблемах. Соединенные Штаты вовлечены в чрезмерно большое количество глобальных вызовов безопасности, чтобы полностью сосредоточиться на решении украинской головоломки, и это притом, что при президенте Б. Обаме усилились изоляционистские настроения в администрации США. В то же время немцы сами заинтересованы в том, чтобы любой ценой избежать кризисного урегулирования в Украине в формате РФ – США, так как при таком раскладе существует вероятность вывода процесса из правовой плоскости и скатывания его к разборкам по понятиям на тему «кто в хате главный». Тогда в зарево украинского пожара Германия может потерять ту Европу, которую создавала последнюю четверть века, и обрести новую, с сильными центробежными тенденциями, социальными и экономическими потрясениями, потоками беженцев, тлеющими или полыхающими национальными конфликтами, Европу со слабой и зависимой внешней и оборонной политикой и множественными очагами нестабильности, неспособную адекватно реагировать на вызовы безопасности, стоящие перед континентом.

Однако политическое лидерство ФРГ – это вопрос более глобального характера, связанный не только с ситуацией вокруг Украины. На этапе экономического роста и отсутствия мощных внешнеполитических потрясений не было насущной необходимости в сильном европейском лидере, сейчас же, когда Ялтинская систе-

¹ Die Deutschen mischen sich in Dinge ein, die sie nichts angehen // Bild, 14.03.2015.

² Tsipras: «Wir Griechen sind keine Faulenzer» // Bild, 23.03.2015.

ма миропорядка рухнула, Европа оказалась предоставленной сама себе со всеми своими проблемами. Соединенные Штаты в свое время почти ушли с континента, и более того, их полноценное возвращение не в интересах Европы. Именно поэтому Германия вышла из своей зоны комфорта – роли сначала банкира Европы, а затем экономического менеджера, щедро оплаченной ею в кассу европейского интеграционного проекта, и взяла на себя функции континентального лидера, способного принимать и «продавливать» непопулярные решения на всех уровнях. А. Меркель вынуждена проводить достаточно жесткую внешнеполитическую линию и предпринимать не всегда популярные у европейских и американских «коллег» шаги, сознательно не замечая недовольство, порой очень бурное, которое вызывает в Европе и в мире императивная политика Германии в рамках стабилизации еврозоны и реагирования на вызовы безопасности. Федеральный канцлер пытается сохранить единство Европы в отношении Украины, исходя из единой системы ценностей и понимания непреложности решения конфликтов в правовых рамках.

От **внешней политики марки** Боннской республики через **большую ответственность во внешней и оборонной политике** Берлинской республики времен Г. Шрёдера Германия пришла сейчас к формуле Штайнмайера «**германская внешняя политика действий**». В условиях кризиса ей, наконец, позволили стать во главе «европейской колонны».

По Гамбургскому счету, мир уже почти год живет в условиях холодной войны, не объявленной официально, но разъедающей ядовитой коррозией систему международных отношений, разрушившей европейскую архитектуру безопасности, дестабилизировавшей финансовые рынки и экономики государств, вовлеченных в конфликт, вызвавшей рост националистических настроений на континенте, и самое главное, разрушающей существующие дискуссионные площадки и эффективные механизмы для реагирования на реальные множественные вызовы глобального характера, которые стоят перед лицом мирового сообщества. Германия сейчас находится в активном поиске новой стратегии действий, которая позволила бы ей вести за собой единую, внешнеполитически консолидированную Европу и на равных проводить переговоры с ведущими мировыми акторами с позиции силы (используя политические и экономические рычаги давления), но опираясь при этом на презумпцию верховенства международного права. Главный вызов для самой Германии в этом отношении – стать «Grossmacht», не вызывая при этом устойчивой ценностной ассоциации с «Supermacht» в европейском интеллектуальном дискурсе, не забывая о прошлом, жить реалиями XXI столетия, несмотря на то, что ни Европа, ни Россия пока не готовы предать германское прошлое забвению. Политическое лидерство Германии на данном этапе – это пока еще только успешная «миттельшпиль», середина шахматной партии, и только время покажет, сможет ли А. Меркель справиться с этим вызовом в долгосрочной перспективе.

ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ ЕС ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РФ

*Виктория Репникова,
аспирантка ИМЭМО РАН*

Воссоединение Крыма с Россией в результате референдума расценивается Соединенными Штатами и ЕС как политическое событие, которое привело к нарушению норм международного права, в частности 4-й статьи Хельсинкского Заключительного акта 1975 г. Данная статья признает нерушимым принцип «территориальной целостности каждого из государств – участников»¹ ОБСЕ.

По этой причине после официального включения Республики Крым в состав Российской Федерации (18 марта 2014 г.) ЕС объявил о введении так называемого первого пакета санкций. Санкции предусматривали запрет на въезд на территорию ЕС, замораживание банковских счетов и активов в ЕС тех официальных лиц, которые, по мнению руководства данной организации,

были ответственны за «подрыв территориальной целостности Украины»². Введение санкций уже в отношении российских финансовых, нефтяных и военно-промышленных компаний (второй пакет санкций) было связано с тем, что ЕС обвинил российскую сторону в причастности к крушению гражданского самолета Boeing 777 на территории Украины. Результатом действия уже данного пакета санкций стало ограничение доступа российских финансовых структур к рынкам капитала стран ЕС, создание барьеров для торгово-промышленного сотрудничества, разрыв ранее достигнутых договоренностей по реализации совместных российско-европейских проектов в сфере обороны и энергетики.

¹ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный Акт. Хельсинки, 1975. С. 6. URL: <http://www.osce.org/tu/mc/39505?download=true> (дата обращения: 21.03.2015).

² EU Sanctions against Russia over Ukraine crisis. URL: http://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu_sanctions/index_en.htm (дата обращения: 21.03.2015).

Такие действия европейских партнеров подтолкнули российскую сторону к введению ответных мер. 7 августа 2014 г. Россия ввела эмбарго на поставку сельскохозяйственной продукции из государств ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии¹.

В настоящий момент американские и европейские санкции в отношении России действуют до 15 сентября 2015 г. На саммите ЕС, проходившем в Брюсселе 19–20 марта, было принято решение о том, что действие санкций пока не будет продлеваться после 15 сентября 2015 г.² Это стало сигналом того, что, по мнению ЕС, Россия, как государство, заинтересованное в мирном разрешении конфликта, осуществляет необходимые меры в рамках Трехсторонней контактной группы для выполнения отдельных аспектов Минских договоренностей.

Даже с учетом того, что ЕС пока приостановил дальнейшее продление действия санкций, экономические ограничения со стороны европейских государств имели негативное воздействие на экономику нашей страны. В первую очередь под удар попала финансовая сфера. Центральным Банком РФ был зафиксирован самый масштабный годовой отток капитала из нашей страны за всю историю – 151,5 млрд долл. США³ (за 2014 г.). Данная цифра в 2,5 раза превысила показатели 2013 г. Для сравнения, в конце 2008 г., в период одного из самых серьезных экономических спадов в мировой экономике, отток капитала из России составил 133,6 млрд долл.⁴ Ситуация осложняется тем, что на 2015 г. специалисты прогнозируют увеличение объема капиталов, которые инвесторы будут выводить из России, – вплоть до 110 млрд долл.⁵

Девальвация российской национальной валюты более чем на 50% за период с сентября 2014 г. по февраль 2015 г. в том числе в результате падения цен на нефть, спровоцировала увеличение расходов золотовалютных резервов РФ. В дополнение к тому, что для сглаживания резких колебаний курса рубля ЦБ РФ осуществил валютные интервенции в общей сложности на 87,8 млрд долл.⁶, так и еще по причине сокращения объемов иностранной валюты в стране, наше государство вынуждено было расходовать золотовалютные резервы для покрытия своих расходов. В итоге в конце 2014 г. произошло их резкое сокращение – на 28% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. Данный показатель составил 356,7 млрд долл.⁷

Общее ухудшение экономической ситуации подогревается снижением кредитного рейтинга России целым рядом рейтинговых агентств – Standard & Poor's, Moody's и Fitch Ratings – с «BBB-/A-3» (обязательства ниже среднего) до «BB+/B» (рискованные обязательства с чертами спекуляции)⁸. При этом прогнозируется дальнейшее ухудшение ситуации. Такие оценки в дополнительной степени делают обоснованными опасения инвесторов и провоцируют дальнейший вывод капитала за рубеж.

С учетом того, что РФ установила запрет на ввоз сельскохозяйственной продукции из государств – членов ЕС, участники европейского рынка несут определенные убытки. Но они мало сопоставимы с тем ущербом, который был нанесен российской экономике в результате действия санкций.

Причина состоит в том, что объем торговых отношений ЕС с Россией невысок и составляет лишь 7,3% всей внешней торговли ЕС⁹. (Данный показатель сопоставим с уровнем торгового оборота со Швейцарией.) Для России торговля с ЕС имеет совершенно иное значение – 45% внешней торговли РФ приходится на ЕС¹⁰.

Но существуют совместные проекты, отмена которых по инициативе ЕС нанесла существенный ущерб, как бюджету отдельных государств – членов ЕС, так и имиджу ЕС как надежного бизнес-партнера.

Самый масштабный проект – это строительство газопровода «Южный поток», который планировалось провести из России по дну Черного моря в болгарский порт Варну, откуда одна его ветка должна была пройти через Балканский полуостров в Италию, а вторая – в Австрию. Строительство «Южного потока» началось еще в 2012 г. и должно было завершиться в 2015 г. В его строительстве принимают участие такие гиганты энергетической промышленности, как Газпром, итальянская компания ENI, французская EDF и немецкая Wintershall (дочерняя компания BASF). Стоимость всего проекта оценивается в 23,5 млрд долл.

Отказ Болгарии от прокладки трубопровода по своей территории совпал с принятием 17 апреля 2014 г. Европейским парламентом резолюции, в которой было рекомендовано государствам – членам ЕС «отказаться от строительства Южного потока»¹¹. Позиция Болгарии может привести к тому, что Россия будет иметь право потребовать от нее выплаты неустойки в размере 800 млн евро. В дополнение к этому 1 декабря 2014 г. Россия подписала с Турцией меморандум о строительстве газопровода мощностью, сравнимой с «Южным потоком», а также о расширении газопровода «Голубой поток».

Переориентация намерений российского руководства, а также ощутимые финансовые потери, которые могут понести европейские энергетические компании в связи с блокировкой строительства «Южного потока», способствовали тому, что болгарская сторона существенно смягчила свою позицию. В январе 2014 г. премьер-министр

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных социальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408070021> (дата обращения: 19.03.2015).

² EU agrees Russia sanctions to stay until Ukraine peace terms met. March 19, 2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/03/19/us-ukraine-crisis-eu-idUSKBN0MF1FF20150319> (дата обращения: 29.03.2015).

³ Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2005–2014 годах // http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm (дата обращения: 20.03.2015).

⁴ Там же.

⁵ Доклад Банка России о денежно-кредитной политике. Март 2015 г. С. 51. // http://www.cbr.ru/publ/ddcp/2015_01_ddcp.pdf (дата обращения: 19.03.2015).

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Международные резервы Российской Федерации // http://www.cbr.ru/hd_base/default.aspx?Prtid=mrrf_m (дата обращения: 29.03.2015).

⁸ S&P понизило рейтинг РФ до спекулятивного уровня BB+. 26 января 2015 г. // <http://tass.ru/ekonomika/1723344> (дата обращения: 20.03.2015).

⁹ EU-Russia Summit. Brussels. January 24, 2014 // http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-14-58_en.htm (дата обращения: 1.04.2015).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Joint motion for a resolution. European Parliament. B8–00/204. P. 6. // http://www.euractiv.com/files/european_parliament_joint_motion_for_a_resolution_on_ukraine.pdf (дата обращения: 29.03.2015).

Болгарии Бойко Борисов заявил о том, что Болгария готова дать свое согласие на строительство газопровода задним числом¹. С одной стороны, такое решение является попыткой Софии обезопасить себя от выплаты неустойки, а с другой – говорит о намерении ЕС возобновить проект. Причина, по которой Брюссель осуществляет давление на Болгарию по вопросу строительства «Южного потока», заключается в том, что ЕС хочет принудить Россию пойти на уступки в части выполнения условий «третьего энергопакета», который обязует российскую сторону отдавать независимым европейским компаниям до 50% мощностей будущей магистрали для прокачки их газа. Россия, не согласная с данным положением, со своей стороны пытается продемонстрировать ЕС, что в деле поставки российских энергоресурсов у него есть прямой конкурент в лице Турции.

Строительство «Южного потока» выгодно обеим сторонам. Для ЕС он имеет первоочередное значение, так как в проект вовлечены многие игроки энергетического сектора ЕС, в краткосрочной перспективе Украина не сможет стать стабильным транзитным партнером ЕС по причине продолжающейся гражданской войны, ЕС заинтересован в бесперебойных поставках энергоресурсов из России. Для России «Южный поток» позволит поставлять газ в обход ненадежных транзитных государств в лице Украины, обеспечив тем самым дополнительные финансовые выгоды (необходимость оплачивать транзит). Плюс ко всему проект с ЕС уже прошел все необходимые согласования и находится на стадии реализации, в то время как с Турцией переговорный процесс необходимо запускать с нуля. В итоге можно ожидать, что реализация проекта «Южный поток» может быть возобновлена.

Второй знаковый проект – это строительство и поставка Францией российской стороне «Мистралей». В сентябре 2014 г. Франция по причине эскалации конфликта на Украине отказалась поставлять России вертолетоносцы. Общая сумма контракта составила 1,2 млрд евро. В настоящий момент за невыполнение условий соглашения Россия вправе потребовать неустойку от Франции в размере от 3 до 10 млрд евро². РФ в данный момент занимается получением официального объяснения от французских партнеров о причинах невыполнения условий контракта, после чего намеревается подать в Арбитражный суд иск о взыскании неустойки с французской стороны.

Третий проект – это строительство современного военного учебного центра на территории России, который должен быть выполнен немецким «Рейнметаллом». По причине конфликта на Украине его реализация была заморожена. Это привело к финансовым потерям для Германии в размере 100 млн евро³.

Таким образом, решение ЕС о введении санкций способствовало полной отмене или заморозке реализации проектов, в первую очередь в области обороны и энергетики, в результате чего стороны понесли существенные финансовые потери. В большей степени от санкционной политики пострадала Россия, и в добавление к этому по прогнозам экспертов в краткосрочной перспективе российская экономика ощутит на себе следующие негативные тенденции:

- 1) снижение цены на нефть;
- 2) продолжение оттока капиталов из страны;
- 3) повышение инфляции до 20%;
- 4) падение ВВП (за период с 2015 по 2016 г. составит около 8–9%);
- 5) обострение проблемы внешних корпоративных долговых обязательств нашей страны по причине ограничения доступа для российских компаний на финансовые рынки.

По причине того, что ЕС связывает введение санкций в отношении РФ с состоянием вооруженного конфликта на территории Украины, РФ будет продолжать испытывать на себе экономическое давление вплоть до его дезэскалации. Учитывая тот факт, что Россия не является стороной конфликта, данные санкции являются контрпродуктивными для поддержания партнерских отношений между Россией и ЕС. Для нашей страны такая политика европейцев дает стимул к тому, чтобы внимание в первую очередь было обращено на отрасли экономики, которые являются наиболее уязвимыми, и была произведена структурная перестройка экономической системы, необходимость которой назрела уже давно. В дополнение к этому Россия, как евразийская держава, должна диверсифицировать свои торговые связи и переориентировать свое внимание на государства, расположенные в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

¹Премьер Болгарии вновь высказался за реализацию проекта «Южный поток». 12 января 2015 // (дата обращения: 29.03.2015).

²Франция может заплатить 10 млрд евро за неустойки за «Мистралей». 3 сентября 2014 // <http://ria.ru/world/20140903/1022642360.html> (дата обращения: 19.03.2015).

³Сделку сорвали санкции. 5 августа 2014 // <http://www.interfax-russia.ru/Povoljje/view.asp?id=527305> (дата обращения: 20.03.2015).

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН, Центром по изучению проблем европейской безопасности с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и необязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик Ю.С. Пивоваров

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д.п.н. А.И. Никитин

К.и.н. А.В. Загорский

Главный редактор – к.и.н. Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова